

Перед камерой, будь то фотосъёмка или съёмки фильма, нельзя отступать. Камера и коллеги — это противники, и перед ними нельзя проявлять слабость... — Взгляд Жун И наконец упал на Цюй Хайяо. — И ты ещё мечтаешь стать «Киноимператором с восемью наградами».

Жун И издал лёгкий фыркаящий звук, полный презрения.

Краска на лице Цюй Хайяо исчезла так же быстро, как отлив, и даже цвет его губ побледнел. Жун И выглядел совершенно равнодушным, словно не придавая значения своим словам. Рука, сжимавшая плечо Цюй Хайяо, ослабила хватку, готовясь отпустить.

Но в этот момент другая рука быстро накрыла его, крепко прижав руку Жун И к плечу. Жун И слегка вздрогнул, собираясь инстинктивно вырваться, но Цюй Хайяо уже обхватил его за талию, всей своей тяжестью нависая над ним, почти лишая равновесия. Жун И вынужден был опереться на руку Цюй Хайяо, чтобы не упасть.

Чжэн Вэй за камерой удивлённо выдохнул «Вау!», и тут же раздался непрерывный щелчок затвора. Цюй Хайяо, однако, уже ничего не слышал. Его нос почти касался носа Жун И, а большие, выразительные глаза последнего были широко раскрыты, отражая сосредоточенное лицо Цюй Хайяо.

— Противник... это так? — шёпотом спросил Цюй Хайяо.

Всё произошло за считанные секунды, и через мгновение Жун И пришёл в себя. На его губах появилась едва заметная улыбка, гармонирующая с его светло-зелёным нарядом. Рука, прижатая к плечу Цюй Хайяо, плавно скользнула вверх, обхватив его шею. Слегка опершись на талию, Жун И выпрямился, сохраняя эту близкую позу.

— Довольно интересно, — лёгким движением брови Жун И встретился взглядом с Цюй Хайяо.

Чжэн Вэй на заднем плане возбуждённо кричал, чтобы они приняли позу, явно довольный их состоянием.

После этой съёмки Жун И и Ци Син обсудили новую идею. Изначально они хотели показать контраст между традиционным и современным китайским стилем, но после того, как Жун И и Цюй Хайяо появились в кадре, тема «контраста и перемен» перестала их удовлетворять.

— Перемены не обязательно должны быть связаны только с «изменением», — сказал Жун И, меняя образ, а Ци Син обсуждал это рядом с ним.

Жун И кивнул:

— На самом деле, я думаю, что лучше снимать развитие, а не перемены. Хотя слово «развитие» не так эффектно, оно не соответствует вашему стилю.

Ци Син фыркнул, посмеявшись над Жун И, и предложил:

— Тогда давай выберем что-то более крутое... Эй! Как насчёт «Прорыв из кокона»?

— Это подойдёт.

— Тогда «Прорыв из кокона!» — воскликнул Ци Син. — Не ограничиваясь «переменами», и не отвергая старое ради нового, а как у вас с Цюй Хайяо — старое и новое сливаются воедино. Это отлично! Я думаю, наш проект станет лучшим!

— Ты слишком радуешься, — насмешливо сказал Жун И, но улыбка на его лице была искренней.

Все съёмки были переработаны под совместное участие Цюй Хайяо и Жун И, с минимальным количеством индивидуальных кадров. Цюй Хайяо больше не беспокоился, что журнал его не оценит, так как его съёмки стали почти такими же, как у Жун И. После завершения натуральных съёмок вся группа отправилась в порт, следующую локацию.

Поскольку планировалось снимать порт в сумерках, время было строго ограничено, и съёмки нужно было завершить до заката. К счастью, Цюй Хайяо, похоже, освоил способ управления своим состоянием, и переход между локациями не нарушил его настроения. Съёмки прошли гладко. Чжэн Вэй и Ци Син, просматривая фотографии на ноутбуке, были приятно удивлены, и вся группа была в предвкушении праздника.

Цюй Хайяо и Жун И снимали макияж, причём Жун И ещё и снимал наращённые волосы, что заняло больше времени. Он сидел на стуле, играя с телефоном, пока с ним работали, когда Цюй Хайяо тихо вошёл.

В отличие от своего уверенного вида на съёмках, без макияжа и в простой одежде, он выглядел немного нервным. Сложив руки, он наклонился вперёд у двери и неуверенно сказал:

— Эм, учитель Жун... Сегодня я извиняюсь за беспокойство... И за тот день.

Он, конечно, имел в виду десятилетний юбилей. Макияж с Жун И снимали сотрудники «MENU», а не его личные, поэтому Цюй Хайяо не мог говорить откровенно при посторонних. Жун И слегка повернул голову, взглянув на него, но не проявил никакой реакции.

Цюй Хайяо стал ещё более беспокойным. До сих пор он чувствовал, что его чувства к Жун И были полным хаосом, смесью положительных и отрицательных эмоций. Он был простым человеком, и теперь, когда один человек вызывал у него столько эмоций, он чувствовал, что его мозг вот-вот взорвётся.

Но с его стороны благодарность Жун И нужно было выразить. Во время парной съёмки его состояние было ужасным, и Жун И мог просто игнорировать его, позволив журналу исключить его из проекта. Ведь «MENU» никогда не обещали использовать Цюй Хайяо, и Жун И не был обязан помогать ему с настройкой.

И хотя Жун И говорил прямо, это были правдивые слова. Цюй Хайяо, снимая макияж, несколько раз вспоминал сказанное Жун И, и даже несколько коротких фраз принесли ему огромную пользу.

— Спасибо вам, — с трудом произнёс Цюй Хайяо, но его чувства были искренними.

Жун И ничего не ответил, и Цюй Хайяо, чувствуя неловкость, решил, что, вероятно, уже надоел. Он хотел найти предлог, чтобы уйти, но услышал, как Жун И лениво сказал:

— Тот жёлтый костюм тебе шёл. Они его тебе подарили?

Цюй Хайяо замешкался. Жун И говорил о его коротком и стильном костюме, который Цюй Хайяо сам очень любил. Раньше журналы иногда дарили ему одежду, но этот костюм был от известного бренда и стоил около ста тысяч. Цюй Хайяо не осмелился просить «MENU» о таком подарке.

— Нет... Нет, я не стал просить. Сегодня я и так доставил всем столько хлопот, — сухо усмехнулся Цюй Хайяо, заметив, что Жун И, похоже, вспомнил его в этом костюме.

— Ты снимался в исторических фильмах? — спросил Жун И.

— Нет.

— Почему нет? Сейчас их довольно много.

Тон Жун И был непринуждённым, но Цюй Хайяо услышал в нём: «Сейчас много ужасных исторических драм». Он почесал голову, не зная, как ответить. Нельзя же прямо сказать: «Ты так великолепно играл исторических героев, что я боюсь даже пробовать», — это звучало бы смешно.

К счастью, Жун И, похоже, действительно просто спросил ради интереса и, не получив ответа, махнул рукой:

— Ладно, иди. Желая тебе скорее стать Киноимператором с восемью наградами.

Цюй Хайяо: «!!!!!!»

Цюй Хайяо знал, что Жун И сказал «стать Киноимператором», а не «затмить меня», только чтобы сохранить лицо перед посторонними. Он нервничал, как обезьяна, пойманная на месте преступления.

— Простите, я не это имел в виду, я не хотел вас задеть...

— А что ты имел в виду? — холодно посмотрел на него Жун И. — Говорят, что «в пьяном виде правда выходит наружу», и я в это верю.

<http://bllate.org/book/16304/1470694>